

А.В.Харламенко

История его оправдала

В статье сделана попытка с сегодняшних позиций подвести общие итоги политического пути Фиделя Кастро. Его многообразная деятельность как лидера революции и главы Республики Куба рассмотрена в контексте менявшихся региональных и мировых реалий, выдающейся роли Команданте в разрешении национальных и международных кризисов. Особое внимание уделено его крупнейшему вкладу в упрочение суверенитета Кубы и всей Латинской Америки, в повышение роли страны и региона в многополярном мире, в соединение традиции латиноамериканизма с идеалом социальной справедливости.

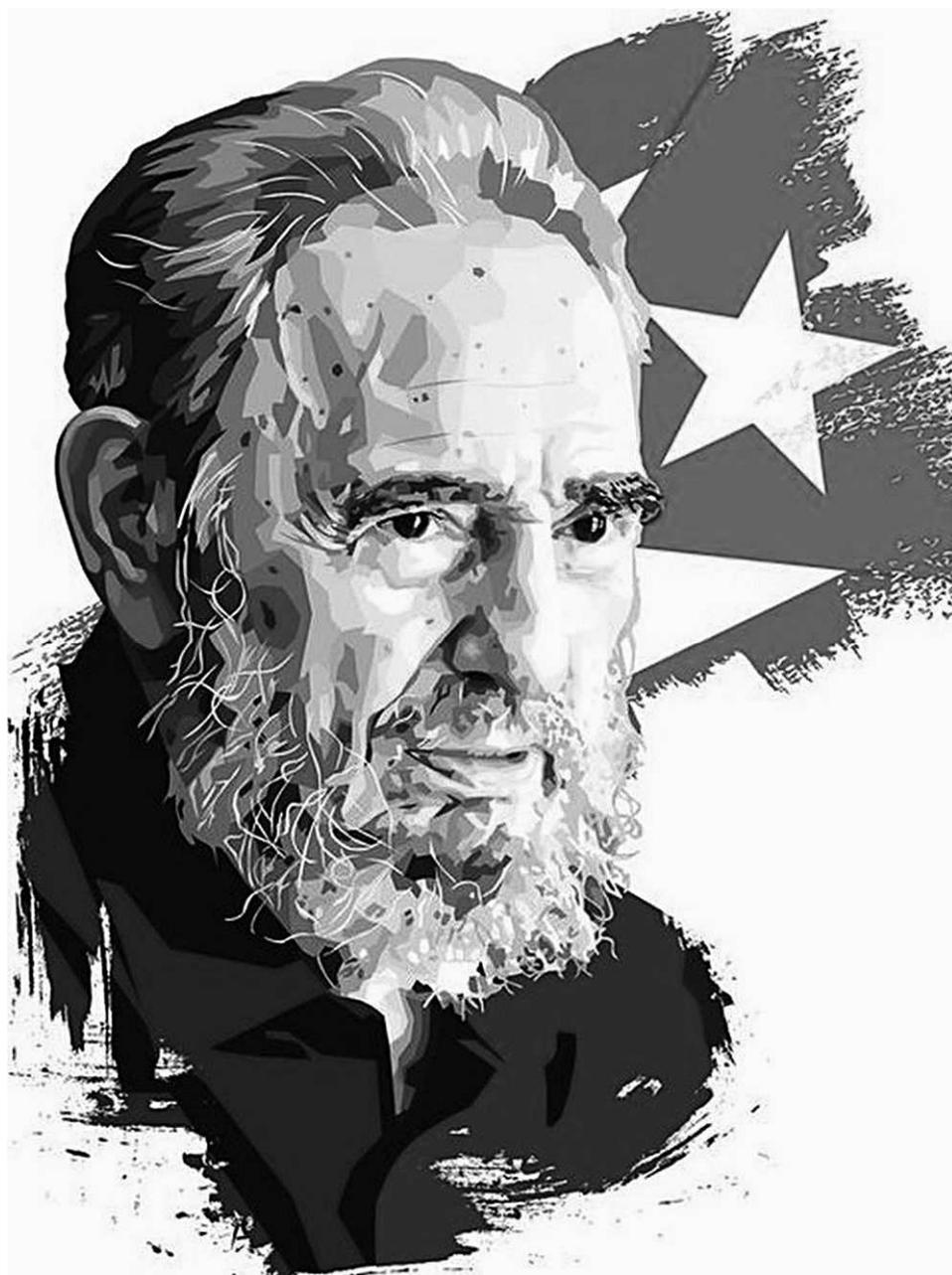
Ключевые слова: Кастро, Кубинская революция, «третий мир», панамериканизм, СССР, многополярный мир.

Наступает первая годовщина горестной даты, когда мир облетела весть: Главнокомандующий Кубинской революции завершил свой жизненный путь. Другим и врагам он действительно виделся «Вечным Команданте», что неудивительно. Его не взяли ни пули у стен казарм Монкада, ни штурмы на пути повстанческой экспедиции к родному острову, ни бомбы с батистовских самолетов в Сьерра-Маэстре, ни вражеский десант на Плайя-Хирон, ни призрак ядерного гриба осенью 1962 г., ни бесчисленные покушения, ни долгая болезнь на склоне лет. И вот все же «физически ушел», как говорят кубинцы, или «уподобился остальным», как сказал он сам за несколько месяцев до кончины на ставшем прощальным партийном съезде. Ушел точно в 60-ю годовщину отплытия яхты «Granma» из мексиканского порта Тукспан — будто седобородый герой Кецалькоатль из месоамериканских преданий, отчаливший от того же берега на плоту из змей...

Шестьдесят четыре года назад, готовя защитительную речь перед батистовским судом, которой суждено было стать программным документом «Движения 26 Июля», он дал ей крылатое название «История меня оправдает». Все последующие десятилетия сторонники и противники, друзья и недруги не переставали спорить: оправдала ли?

До недавних пор дискуссии грешили поспешностью, потому что Фиделю еще немало предстояло впереди. Физическая кончина подводит черту; но возразить против мысли одного из почитаемых им предтеч и учителей

Александр Владимирович Харламенко — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, руководитель архивно-информационной группы Центра политических исследований ИЛА РАН (aharlamenko@yandex.ru).

нечего: те, кто действительно заслуживает звания политического деятеля, не умирают для политики. Так что споры продолжаются и будут продолжаться, даже с большим правом, чем при его жизни. Попробую аргументировать свою позицию.

Прежде чем пытаться постичь вердикт Истории, следует уяснить себе состав «обвинения». Список его пунктов довольно значителен. Бегло перечислю самые расхожие. Разве не возглавленная Фиделем революция увела Кубу с того эволюционного пути, на котором другие страны добились ус-

пехов меньшей кровью или вовсе бескровно? Разве не он навязал стране социалистический строй и коммунистическую идеологию, потерпевшие к концу XX в., как принято считать, всеобщий крах? Разве не он долгое время занимался «экспортом революции» в другие страны Латинской Америки и не только ее? И разве не он обрек страну на международную изоляцию и экономические невзгоды, от чего сотни тысяч кубинцев десятилетиями «бежали», зачастую рискуя жизнью в бурных водах Флоридского пролива? Подводя итог, не остается ли признать его, подобно тому же легендарному Кецалькоатлю, проигравшим в долгой и жестокой борьбе?

Все это представляется «очевидным» обывателю, далекому от кубинских реалий, и он готов уже вынести вердикт: «Да, виновен». Но в науке на подобной «очевидности» далеко не уедешь. Разве для обыденного сознания не были «очевидны» утверждения: «Солнце всходит и заходит, а Земля покоится в центре мира» или «у каждого тела есть свое ускорение свободного падения», пока Николай Коперник и Галилео Галилей не доказали обратного?

А ЕСЛИ БЫ ФИДЕЛЬ НЕ ПРИШЕЛ?

Посмотрев на тезисы «обвинения» не простым и притом близоруким глазом, а сквозь призму исторического анализа, нетрудно выявить в них ряд несуразностей, вообще присущих подобным «судам» над крупными деятелями истории и современности. В вину «обвиняемому» вменяется не только то, на что он действительно влиял или мог влиять, но и то, что от него никоим образом не зависело. Альтернативу его деятельности и ее результатам ищут не в той действительности, с которой ему приходилось иметь дело, а в той, которая сложилась лишь позже как равнодействующая, в том числе, и его усилий. Наконец, историческая реальность вообще подменяется идеологическими иллюзиями и пропагандистскими стереотипами.

Инерция холодной войны все еще поддерживает представление о мире минувшего столетия как тотально разделенном на два военно-политических блока. Между тем бурный XX в. отнюдь не сводился к противостоянию «коммунизма» и «свободного мира» или же «тоталитаризма» и «демократии», как бы ни трактовать эти мифологизированные категории. В огромной степени — в исторической перспективе, думается, преобладающей, — он был веком национального и социального пробуждения, подъема и прогресса большинства человечества. Это большинство, ранее лишенное собственного голоса в мировых делах и возможности выбиться из бесправия и нищеты, обреченное прозябать на колониальной и зависимой периферии капиталистической системы, в середине столетия получило название «третий мир». Старт его новой жизни, обогативший человечество небывалым многообразием исторического опыта, стал одной из фундаментальных реалий единого взаимосвязанного мира второй половины XX в.

В этом менявшемся мире Латинская Америка до Кубинской революции занимала специфическое положение. Ее значение в глобальных делах, объективно уже несколько веков немалое — от важнейшей арены «первоначального накопления» и первой в истории масштабной деколонизации до новых форм ассоциации с центрами мирового капитализма и крупного вклада в формирование современного международного права, — слабо осознавалось даже в ней самой. В общественном сознании витал образ как

бы геополитической «исключенности» региона, принимавшего лишь ограниченное участие в двух мировых войнах, не сразу разделенного фронтами холодной войны, но рассматриваемого «командованием» одной из ее сторон как безусловный резерв и чуть ли не «задний двор». С «третьим миром», вступившим на историческую арену как афро-азиатский, Латинская Америка соотносилась противоречиво. Сближаясь с ним по тогдашнему месту в международном разделении труда в качестве экспортера минерального сырья и тропических культур, она обособлялась от него более чем веком политической суверенности и традицией отнесения другими и самой собой к «западной цивилизации» (пусть даже в восприятии многих к «задворкам» таковой). Подобное положение являлось в начале холодной войны крупным минусом, лишая страны региона партнеров и тем более союзников в повышении своего мирохозяйственного и геополитического статуса, не говоря уже о социальном прогрессе.

В то же время Латинская Америка, как ни один другой регион мира, обладала социокультурной базой для интеграционных процессов. Общность или близость языка и огромного культурного фонда, колониальной истории и антиколониальной эпопеи сформировали у нескольких поколений передовых лидеров двух десятков сопредельных стран — от Франсиско Миранды и Симона Боливара до Хосе Марти и Аугусто Сесара Сандино — идею нового сплочения «Великой Родины» всех латиноамериканцев — *Patria Grande* — на общей независимой и прогрессивной основе.

У передовых людей Кубы приверженность идеалам латиноамериканизма достигла наибольшей интенсивности и зрелости. Почему — разъяснил в своем последнем письме Хосе Марти, чье влияние на молодого Фиделя невозможно переоценить: «Мы должны добиться независимости Кубы, иначе Соединенные Штаты захватят Антильские острова и отсюда обрушатся на земли нашей Америки»¹. Небольшая страна, занимающая стратегически ключевое положение между двумя Америками, могла в столь неравной борьбе иметь шансы, только выступая протагонистом, как минимум, региональной «Великой Родины» и тем самым обеспечивая международную солидарность, при которой ее недруги «не решатся применить оружие и взять на себя ответственность за несправедливую войну против народа, борющегося за независимость Америки»². Эту традицию латиноамериканской альтернативы агрессивному панамериканизму США и миссии Кубы как авангарда этой альтернативы Фидель Кастро пронес через всю жизнь.

Кубинскую революцию нельзя понять вне контекста регионального демократического подъема послевоенных лет. Латиноамериканцы попытались принять всерьез те лозунги, под которыми сами США участвовали во Второй мировой войне. Победа союзников над державами «оси» породила в регионе весну надежд на скорое избавление от доморощенных — или насажденных — деспотических режимов. Именно с этим связан политический дебют Фиделя как лидера, в частности, его готовность еще в студенческие годы отправиться воевать против тирании Рафаэля Леонидаса Трухильо в Доминиканской Республике. То обстоятельство, что юному волонтеру импровизированной освободительной экспедиции пришлось спастись от ареста вплавь — к счастью, в море не оказалось акул, — с исторической дистанции выглядит поистине символически. Латиноамериканцы получили от Вашингтона вместо поддержки вполне умеренных демократиче-

ских ожиданий лишь новую волну реакционных переворотов, один из которых совершил на Кубе в марте 1952 г. Фульхенсио Батиста. Стоило Вашингтону тогда сказать «нет», надругательству над демократией пришел бы конец. Но сверхдержаву, входившую в роль неокOLONиальной империи, интересовали лишь прибыли ее корпораций и бесперебойная работа ооновской «машины голосования».

Над всей Латинской Америкой нависла непосредственная угроза реализации гегемонистской модели, означавшей экономическую и де-факто политическую аннексию. Панамериканский форум, он же первый конгресс Организации американских государств (ОАГ), собравшийся в Боготе в апреле 1948 г., обозначил данную перспективу вполне явственно. Хорхе Эльсер Гайтан, либеральный кандидат в президенты Колумбии, попытавшийся уберечь ОАГ от пут холодной войны, созвал в той же столице региональный общественно-политический форум. Прибывшему для участия в нем 21-летнему Фиделю пришлось пройти огненный вихрь восстания — стихийного взрыва, спровоцированного убийством Гайтана и открывшего шлюзы безжалостного насилия. Без учета этого испытания невозможно в полной мере понять истоки общественно-политического выбора будущего Команданте.

У Ф.Кастро и его соратников были «весомые, грубые, зримые» основания несколько иначе, чем их малосведущие в истории критики, судить о перспективах страны и региона в том гипотетическом случае, если бы на Кубе не победила революция. Угроза, нависавшая над всем регионом, для Острова возводилась в степень. Географическая близость и тесные политико-экономические связи с США продуцировали худшие черты «американского образа жизни» в виде уродливого фарса. Вспомним, что опорой режима Батисты стала североамериканская «Cosa Nostra», мафия, похотейски расположившаяся в сфере специфического досуга близкого ей «полусвета», в особенности в игорном бизнесе. Буйно произрастал расизм, как белый, так и черный. Диктатор Батиста, по происхождению мулат из низов, был не прочь сыграть на комплексе униженности «цветных»: после переворота он вызывающе заменил многоцветным знаменем своего «движения» исторический флаг республики. «Вдохновляющих» примеров поблизости хватало: Доминиканскую Республику третье десятилетие насиловал режим такого же «выходца из цветного народа»; на Гаити к власти рвался еще один, Дювалье, демагогически поднимавший негров против мулатов. Не произошли на Кубе революция под демократическими и гуманистическими лозунгами, социальный протест с большой вероятностью был бы направлен в русло расовой розни. Батистовцы уже пытались агитировать темнокожих участников штурма Монкады: «Что у вас общего с белыми, идите к нам». Чего доброго, даже единое государство прекратило бы существование: Батиста собирался рассечь Остров морским каналом, и к западу от трассы могла появиться «вторая Доминикана», а к востоку, где жило больше людей с темным цветом кожи, — «второе Гаити». Сегодня стоит задуматься и над тем, какой отклик все это могло получить в США, переживавших в те годы вторую волну эмансипации негров, какие силы могли бы прорваться там к власти, и чем это в разгар холодной войны грозило бы всему миру.

Альтернативой подобному варианту, если бы не победила возглавленная Фиделем революция, могла быть если не формальная, то фактическая аннексия страны «великим северным соседом». Значительная часть местной «элиты» еще

с XIX в. не возражала против такой перспективы. Но перед глазами патриотов была судьба исторической «сестры» — Пуэрто-Рико. В 1950 г. по поводу призыва молодежи на корейскую войну патриоты подняли там восстание, которое было жестоко подавлено. В движении солидарности с братской Кубе страной активно участвовал Ф.Кастро. Ее пример показывал, что США не намерены реально включить аннексируемую Пуэрто-Рико в свой состав, а предпочитают оставить ее колонией под другим названием (чтобы не подпадала под решения ООН по деколонизации), лишенной права выбирать президента и конгресс США, но обязанной платить кровью за их авантюры.

«Движение 26 Июля», возглавленное Фиделем Кастро, возникло и победило как двойная социально-гуманистическая альтернатива. Непосредственно оно противостояло узурпаторскому, насквозь коррумпированному, гангстерско-террористическому режиму «позднего Батисты», презираемому даже многими буржуа, которые в январе 1959 г. украшали свои лимузины баннерами: «Спасибо, Фидель!». Опосредованно это была альтернатива антисоциальным и антинациональным порядкам, насаждаемым тогдашней моделью гегемонии США в любом варианте: как при открытой диктатуре, так и при «демократии», обреченной оставаться для большинства нации формальностью, если не сказать издевательством.

Перед батистовским судом Кастро говорил: «Мы называем народом 600 тысяч кубинцев, которые не имеют работы и хотят честно зарабатывать хлеб, а не быть вынужденными эмигрировать из страны в поисках средств к существованию; 500 тысяч сельскохозяйственных рабочих, живущих в жалких хижинах и работающих всего четыре месяца в году... Мы говорим также о 100 тысячах мелких земледельцев, которые живут и умирают, обрабатывая землю, не принадлежащую им... Мы говорим также о 30 тысячах самоотверженных учителей и преподавателей, принесенных в жертву, людей столь необходимых для лучших судеб будущих поколений, с которыми так плохо обращаются, им так мало платят за труд; мы говорим и о 20 тысячах мелких торговцев, отягощенных долгами, разоряемых кризисами и окончательно добиваемых множеством грабителей-чиновников... о 10 тысячах молодых специалистов... которые покидают учебные аудитории с дипломами, с желанием бороться, полные надежд, а попадают в тупик, натываясь повсюду на закрытые двери, безразличие к их просьбам и требованиям»³.

В 1957 г. 53% городских трудящихся Кубы имели зарплату ниже официального прожиточного минимума. В деревне уровень дохода был в 3-4 раза ниже среднего по стране. На 50% населения приходилось 10,8% национального дохода, на 5% — 26,5%⁴. 23,6% кубинцев, на селе — 43%, были неграмотны. Школу посещали 45% детей школьного возраста с тенденцией к снижению этого показателя⁵. В стране, где 14% сельского населения болело туберкулезом и 31% — малярией, было три сельских больницы в общей сложности на десять коек. Зарплата большинства была ниже 75 песо в месяц, а консультация врача стоила от 5 до 20 песо, операция — от 300 песо⁶. И все это не спишешь на переворот Батисты. Такова была социальная модель, не без оснований названная «неоколониальной республикой». Альтернатива ей, которую Ф.Кастро называл гуманистической и демократической, базировалась на том, что «не может быть подлинной демократии, когда люди голодают, поскольку подлинная демократия должна основываться на социальной справедливости для всех»⁷.

БЕЗАЛЬТЕРНАТИВНОСТЬ ВЫБОРА

Всем, кто не закрывал глаза, уже вскоре после триумфального вступления Повстанческой армии Фиделя в Гавану, если не раньше, стало ясно: на пути альтернативы социальному статус-кво стоит препятствие посерьезнее, чем батистовское воинство, бежавшее тысячами перед тремя сотнями «бородачей» Команданте. Буквально каждый шаг новой власти, начиная с законного возмездия палачам и террористам, влек за собой все более жесткие санкции со стороны самозванных хозяев Западного полушария. В апреле 1959 г. Фидель посетил США, стремясь наладить диалог; однако президент Дуайт Эйзенхауэр едва ли не специально, чтобы избежать встречи, выехал из столицы. После принятия на Кубе закона об аграрной реформе, затронувшего собственность корпораций США, Вашингтон потребовал (как раньше от Мексики, а позже от Чили) полной и незамедлительной компенсации, заведомо зная, что она невозможна ни экономически, ни политически. В ответ на предложение платить компенсацию по закону — Куба предлагает ее до сих пор — Вашингтон лишил остров экспортной квоты на сахар. С военных баз во Флориде налетали бомбардировщики без опознавательных знаков, забрасывались диверсанты и террористы.

Чтобы противостоять столь мощному противнику, одной поддержки народа, даже подкрепленной региональной солидарностью, было мало. Опыт многих латиноамериканских соседей, особенно трагический исход недавних событий в Гватемале*, с предельной ясностью показывал: небольшая страна неизбежно будет удушена блокадой и добита интервенцией, если не найдет могущественного союзника, которому станет необходимо так же, как он ей, и с которым Вашингтону придется считаться.

Для Фиделя этот вызов истории вряд ли был откровением. На острове, уже столетия назад ставшем узлом глобальных связей и процессов, патриотизм всегда предполагал открытость миру и эпохе, способность точно улавливать доминирующую тенденцию международного развития. Закономерно, что именно на Кубе уже в конце XIX в. были написаны слова Х.Марти: «Родина — это человечество». Во всяком случае не Вашингтону и не его подголоскам подобает возмущаться тем, что Команданте твердой рукой повернул Кубу к другому полюсу тогдашнего мира.

Жизненно важному решению, несомненно, способствовали еще два фактора. Первый — решающая роль СССР в недавней тогда победе антифашистской коалиции, его колоссальные жертвы ради общего справедливого дела. Второй — феномен советской «оттепели», психологически близкий молодым революционерам. Латиноамериканцы середины XX в. имели больше чем достаточно оснований для особой непримиримости к обожествлению властвующих персон (что много лет спустя будет отражено в последней воле Фиделя относительно форм почитания его памяти). Они были сыты по горло «каудильизмом», задушившим не одно народное

* В 1954 г. правительство Хакобо Арбенса Гусмана — первого демократически и мирно избранного президента Гватемалы (1951—1954), — проводившее прогрессивные преобразования, противоречащие интересам североамериканских монополистов, было свергнуто в результате вооруженного переворота, организованного ЦРУ. Вслед за этим при непосредственной поддержке США последовал целый ряд кровавых репрессий, а результаты реформ были фактически сведены к нулю. — *Прим. ред.*

движение. В карибском субрегионе данное явление олицетворялось особенно уродливо злейшими на первых порах врагами Кубинской революции, такими, как Сомоса в Никарагуа и Трухильо в Доминиканской республике. Беззастенчивая опора Вашингтона на «своих сукиных детей» не могла не дискредитировать в глазах латиноамериканцев претензии США на роль флагмана мировой демократии.

Все это, вместе взятое, помогло лидерам революционной Кубы не просто сделать единственно спасительный выбор между двумя международными системами, но совершить этот шаг в оптимальный момент быстротекущего исторического времени. Полет Юрия Гагарина, начало потерь США в Южном Вьетнаме и победа новой Кубы при Плайя-Хирон вместились в одну неделю бурной весны 1961 г. Социалистический блок был *уже* достаточно силен, *еще* достаточно един и целеустремлен, чтобы надежно прикрыть союзника. Как сказал впоследствии сам Фидель, «мы добились победы, можно сказать, почти минута в минуту, секунда в секунду именно тогда, когда в мире возникло такое соотношение сил, при котором лишь в крайне трудных обстоятельствах нельзя было бы найти минимальную возможность выстоять»⁸.

«МИРОВОЕ РАВНОВЕСИЕ» И КУБИНСКИЙ СОЦИАЛИЗМ

Новой Кубе союз с СССР обеспечил военно-политическое и экономическое выживание. В то же время для Советского Союза, еще далекого от стратегического паритета с США, партнерство с Кубой стало — прямо по Х.Марти — важнейшим фактором международного равновесия. Чтобы между Кремлем и Белым домом открылась «горячая линия» экстренной связи, сводящая к минимуму опасность случайной конфронтации; чтобы диалог по ядерным испытаниям смог сдвинуться с мертвой точки; чтобы разрядка напряженности перестала быть табу — для всего этого миру пришлось пройти через драматические испытания Карибского кризиса 1962 г.

На вопрос о том, почему кубинское руководство согласилось на размещение советских ракет, Фидель Кастро в начале 90-х годов ответил вопреки многолетней официальной мотивировке и, думаю, вполне искренне: «Если бы речь шла только об обороне Кубы, предложение о размещении ядерных ракет было бы отвергнуто... В действительности для защиты Кубы не было необходимости устанавливать ракеты на ее территории, можно было заключить военный договор, в котором СССР заявил бы, что нападение на Кубу приравнивается к нападению на Советский Союз». Уже в постсоветском мире Фидель не считал нужным скрывать свои побуждения: «Мы считали, что это послужит укреплению обороноспособности всего социалистического лагеря... Мы понимали, что присутствие подобного оружия вызовет сильную политическую напряженность, но смотрели на это с точки зрения нашего нравственного долга, нашего политического долга, нашего интернационального долга — так, как мы это понимали»⁹. Свидетельство Кастро подтверждается, в частности, одним из главных условий разрешения Карибского кризиса — встречным выводом советских ракет с Кубы и американских вооружений того же класса из Турции и Италии. Жаль, конечно, что до Гаваны условия урегулирования были доведены с опозданием.

С позиций сегодняшнего дня можно и нужно понять позицию Команданте, не принявшего практики закрытых договоренностей между сверхдержавами без

достаточного учета жизненных интересов его страны, рисковавшей буквально всем. Позднее он подчеркивал, что для справедливого урегулирования кризиса Хрущеву достаточно было добавить в свое послание всего одну фразу: «Мы готовы вывести ракеты, если Соединенные Штаты дадут Кубе удовлетворяющие ее гарантии, если Куба сможет принять участие в обсуждении этой проблемы и указать, какие гарантии являются для страны удовлетворительными»¹⁰.

Еще до кризиса Ф.Кастро предлагал Вашингтону пять условий нормальных отношений между суверенными странами: отмена экономической блокады, прекращение подрывных действий, недопущение вооруженных провокаций с территории США, нарушений воздушного и морского пространства Кубы, ликвидация военной базы в Гуантанамо, утратившей правовую основу ее существования. Увы, ни одно из этих справедливых требований не выполнено американской стороной по сей день.

Поскольку отношение США к южным соседям как к своему «заднему двору» тесно увязывалось с антисоветской подоплекой и антикоммунистической мотивировкой холодной войны, постольку для Кастро и возглавляемой им страны социализм как идеологический и геополитический ориентир не имел реальной альтернативы. В тогдашней системе мировых координат этот выбор означал не измену демократическим, гуманистическим и латиноамериканским идеалам, а, наоборот, единственно возможное их воплощение и защиту. Конечно, ценой введения в определенные политико-идеологические рамки, но где и когда в истории идеалы не модифицировались реалиями мировой экономики и политики?

Выбор Фиделя принес Кубе — а во многом и региону, от которого она себя не отделяла, — не только реальный суверенитет и реальную безопасность, но и нечто большее. Благодаря ему — и этого не отменяют никакие перипетии последующей истории — традиция латиноамериканизма соединилась с идеалом социальной справедливости. Можно сжато сказать, что этот идеал в его современном виде дал человечеству Владимир Ильич Ленин, а Латинской Америке — Фидель Кастро.

После себя Команданте оставил страну, обеспечивающую каждому гражданину, даже в условиях многолетней экономической блокады, полную социальную защищенность, свободу от голода, обездоленности и социальной исключенности. Страну, достигшую в образовании и здравоохранении уровня передовых государств мира, сократившую детскую смертность до показателей ниже США. Страну, оказавшую десяткам народов поистине неопределимую помощь в спасении человеческих жизней от военных конфликтов, эпидемий и стихийных катастроф, в ликвидации безграмотности, развитии культуры и спорта. Страну, где, при однопартийной системе — которая в условиях все той же блокады представляется безальтернативной, — кандидаты в органы власти выдвигаются не правящей партией, а собраниями избирателей на обязательной альтернативной основе.

Четверть лет назад противники кубинского социализма навязчиво эксплуатировали тему эмиграции, преимущественно нелегальной. Пропагандистского успеха они добивались не столько на Острове, где слишком хорошо знали реалии обеих Америк, сколько за его пределами. В головах людей, с детства впитавших — со знаком «плюс» или «минус» — утопические представления о социализме и «соревновании двух систем», с трудом укладывалась та элементарная истина, что в едином взаимосвязанном мире никакой общественно-

политический строй не в состоянии отменить экономическую миграцию. Тем более там, где она в силу географических и исторических обстоятельств началась очень давно и для многих успела стать привычной частью образа жизни.

Важнейшим стимулом эмиграции долгое время было то обстоятельство, что кубинцы, по сравнению с мигрантами из других стран региона, могли рассчитывать в США на гораздо лучшие перспективы. И как раз этим они были вдвойне обязаны общественному строю родины. Во-первых, кубинцы были здоровее и образованнее других иммигрантов благодаря качеству и бесплатности социальной сферы новой Кубы, а во-вторых, имели крупные правовые и иные преимущества, введенные и сохраняемые десятилетиями ради ослабления потенциала и притягательности Кубинской революции.

С другой стороны, за рубежом мало кто знал, что именно Ф.Кастро некогда не пытался возводить вокруг своей страны какие-либо «стены». Сложности намеренно создавал Вашингтон, урезая квоту легальной миграции, нелегальную же поощряя видом на жительство с перспективой гражданства. Сила неосведомленности и стереотипов такова, что редко у кого возникал вопрос: а что будет, если хоть в чем-то сопоставимых условий смогут ожидать мигранты из других стран?

И вот история, будто для вразумления наивных и посрамления демагогов, поставила грандиозный эксперимент. Ныне «люди в лодках» плывут нескончаемым потоком уже не через Флоридский пролив, а через Средиземное море. Их сухопутные собратья изнывают под мексиканским солнцем в контейнерах «койотов»*. По импозантному зданию Евросоюза поползли трещины, а США вот-вот превзойдут древний Китай по части ограждения себя стеной. И больше ничего не спишешь на социализм...

РЕВОЛЮЦИЯ — НЕ ЭКСПОРТНЫЙ ТОВАР

Тем, кто обвинял Фиделя и его товарищей в «экспорте революции», они дали ответ еще во II Гаванской декларации, принятой в феврале 1962 г., в дни введения Вашингтоном экономической блокады: «В своем безумии они воображают, что Куба — экспортер революций. Только в мозгах торговцев и ростовщиков может уместиться идея, будто революции можно покупать и продавать, брать и сдавать в аренду, экспортировать и импортировать, как еще один товар»¹¹.

Главная волна подобных нападок касалась поддержки Гаваной повстанческих движений в Латинской Америке 60-х годов. «Обвинители» пытались изобразить кубинского лидера исполнителем «хитрых планов» Москвы, но историческая реальность неподатлива к их стараниям. Сам Кастро уже в 1998 г. констатировал: «Советский Союз всегда категорически возражал против наших усилий содействовать революционной вооруженной борьбе в Латинской Америке»¹². Этому содействию на Кубе не пытались скрывать, но против клише «экспорта революции» резонно возражали.

* «Койоты» («los coyotes») — сленговое название людей, переправляющих нелегалов через мексикано-американскую границу. В настоящее время этот «бизнес» целиком и полностью находится под контролем местных наркокартелей. — *Прим. ред.*

В принципе «экспортировать революцию» мыслимо лишь туда, где ее нет по причине отсутствия ее внутренних факторов. Это явно не относилось к Латинской Америке 60-х годов, когда даже президент США Джон Кеннеди убеждал «элиты», что выбирать приходится не между статус-кво и революцией, а лишь между разными вариантами последней: «Те, кто препятствуют осуществлению мирной революции, делают неминуемой революцию насильственную»¹³.

Однако в Вашингтоне таким языком заговорили лишь после того, как неприглядную реальность осветил факел Фиделя. Раньше там никого не беспокоило ни то, что к югу от Рио-Браво детская смертность достигала 90—125 на 1000 (причем «рекордсменами» были не самые отсталые страны, а сравнительно развитые Чили и Бразилия); ни то, что до шестого класса школы добиралось менее четверти детей, а в деревне менее 1%; ни то, что от последствий нищеты умирали по четыре человека в минуту¹⁴. При этом пространство мирных форм политической борьбы, и ранее не отличавшееся широтой, почти всюду сжималось, как шагреновая кожа.

Неудивительно, что в большинстве стран региона революция надвигалась или уже разворачивалась как объективный социально-политический процесс, хотел этого кто-либо или нет, и вопрос стоял лишь о его исходе. Следовательно, разговоры об экспорте революции не имели никакого иного смысла, кроме тенденциозно-пропагандистского. В научном плане речь может идти о поддержке реального процесса, развертывавшегося в силу объективных причин. Перед непредвзятым историком может стоять вопрос не о принципиальной допустимости такой поддержки, а о причинах и результатах конкретных ее форм.

Полоса герильи 60-х была временем острейшего регионального противостояния, когда почти все латиноамериканские правительства позволили сделать свои страны звеньями антикубинской блокады и плацдармами подрывных действий против Гаваны. Так произошло не только ввиду давления Вашингтона. Региональной олигархией, привыкшей бесконтрольно помыкать народами и безнаказанно попираť демократию либо делать ее декоративной принадлежностью своего узкого круга, овладел «великий страх» перед заразительным примером Кубы. Классовая общность «элит» взяла верх над всеми другими соображениями. Самая активная роль при этом отводилась правоэкстремистскому крылу кубинской эмиграции, не прекращавшему террористическую войну против родины.

Естественно, что и для Гаваны поддержка борцов за «вторую независимость» Латинской Америки стала не только делом принципа, но и актом самозащиты. В отличие от многих политических деятелей Ф.Кастро до конца дней не каялся в былых «грехах», а честно признавал: «Единственное место, где мы не пытались способствовать революции, — это Мексика; во всех без исключения остальных странах мы делали такие попытки»¹⁵. Единственное изъятие понятно: в те годы из всех государств Западного полушария только Мексика не проводила антикубинскую политику, и внутренние противоречия в этой стране не были чреваты гражданской конфронтацией.

Мерить кубинскую солидарность с борцами за «вторую независимость» мерками европейской холодной войны некорректно и еще по одной причине. В странах региона, объединенного общностью исторического пути, языка и основ культуры, освободительное движение никогда не было национально ограниченным. Для многих поколений передовых латиноамери-

канцев, начиная с Симона Боливара и Хосе де Сан-Мартина, помощь братьям по латиноамериканской Великой Родине вплоть до личного участия в боевых действиях была само собой разумеющимся моральным долгом и правом. И впоследствии в левопатриотической среде никого не шокировал ни аргентинец Эрнесто Гевара, возглавлявший повстанческую колонну, а затем Центральный банк и министерство промышленности Кубы, ни его соотечественник Рикардо Масетти как основатель информационного агентства «Prensa Latina». Да и сам Фидель Кастро долго воспринимался не только как лидер Кубы, но и как глава «восставшей республики» масштаба Великой Родины, Боливар XX столетия. В данном контексте надо понимать, в частности, опыт создания Организации латиноамериканской солидарности (Organización Latinoamericana de Solidaridad, OLAS), недавно отметившей полувековой юбилей.

Не следует забывать и о том, что в мире 60-х годов Куба была отнюдь не единственной страной, которую в Вашингтоне пытались ставить в положение «изгоя», получая закономерный ответ в форме поддержки вооруженной освободительной борьбы в «третьем мире». Если бы пространство этой борьбы в Латинской Америке не было заполнено «прокубинской» герильей, феномен типа «Sendero Luminoso» появился бы лет на 15—20 раньше и в куда большем масштабе. Сожалеть о том, что подобной перспективы регион в основном избежал по «вине» Команданте, вряд ли придет в голову даже его хулителям.

В прошлом многие были склонны сводить значение кубинского примера к опыту повстанческого движения. Но Ф.Кастро ни в чем не был догматиком. Мастерское усвоение и развитие традиции герильи, которой за полтора столетия отдали дань все политические силы Латинской Америки, особенно ее северной половины, не помешало ему своевременно поддержать опыт мирной революции в Чили, на тот момент уникальный. Характерно, что председателем OLAS был избран чилийский социалист Сальвадор Альенде, и неизвестно, выиграл ли бы он в ином случае президентские выборы через три года.

Есть основания полагать, что без опыта OLAS не было бы и последующего необоливарианизма. Главным полем противоборства в середине 60-х, как и теперь, выступала Венесуэла, и именно документы учредительной конференции OLAS первыми актуализировали идейное наследие Освободителя Симона Боливара наряду со стратегическим и даже тактическим опытом Войны за независимость. В докладе кубинской делегации освободительное движение региона рассматривалось как борьба за «вторую и окончательную независимость», продолжение дела борцов против колониализма в XIX в. Преемственность традиции связывалась с тем, что «уже тогда в Латинской Америке критерий борьбы был континентальным и понимание ее целей — интернациональным»¹⁶.

Если говорить о регионе в целом, то следует отметить, что саму возможность перехода к демократии и мирным формам политического действия ему еще предстояло завоевать. Не в последнюю очередь это стало заслугой тех, кто, не жалея крови и жизни, сражался с бесчеловечной машиной государственного терроризма. Далекое неслучайно, что в недавние годы «левого поворота» половиной стран региона конституционно управляли прежние бойцы герильи или подполья. За то, что Латинская Америка стала

иной, надо низко поклониться Ф.Кастро, всегда умевшему действовать по законам времени и меняться только вместе с ним.

НА КРУТЫХ ПОВОРОТАХ ИСТОРИИ

При всей приверженности социалистической идее и объективной нужде в советской поддержке Команданте никогда не опускался до послушного следования изгибам «генеральной линии». В этом плане особенно показательно его августовское телевыступление 1968 г. в момент ввода войск Варшавского договора в Чехословакию. В разгар идеологическо-пропагандистской «перестрелки» только он, понимая и признавая все издержки этой акции, четко поставил ее в реальный контекст глобального противостояния, не оставлявший на тот момент альтернативы. И он же постарался своевременно привлечь внимание к назреванию в социалистическом сообществе кризисных явлений, открыто призвал друзей извлечь из «горчайшего опыта» необходимые уроки. Законен был его выстраданный вопрос к главному союзнику: «Будут ли впредь отношения с коммунистическими партиями базироваться на их принципиальных позициях или они будут и дальше определяться степенью безоговорочного согласия, сателлитства и лакейства, и друзьями будут считать только тех, кто безоговорочно примет все и неспособен ни на какое собственное мнение?»¹⁷. Если бы тогда к нему прислушались, многое в мире могло сложиться иначе...

Столь же независимым было отношение Кастро к другим конфликтам внутри социалистического мира. В середине 60-х годов Фидель до последнего старался мирно уладить советско-китайские коллизии, а в напряженные дни китайско-вьетнамской конфронтации конца 70-х выражал жертве нападения безоговорочную солидарность и вместе с тем предостерегал друзей от опасного расширения конфликта.

Страна под руководством Фиделя Кастро, став частью одного из первых в мире интеграционных блоков, известного как «социалистическое содружество», не утратила «третьемирской» самоидентификации. Именно Кубе и ее Команданте было суждено тесно связать Латинскую Америку с «третьим миром». Первые контакты относятся еще к 1959 г., а в 1961 г. Кастро выступил одним из основателей Движения неприсоединения. Дважды Куба избиралась председателем этого представительного форума большинства стран мира. Ее лидер твердо отстаивал право бывших колоний и полуколоний на борьбу за освобождение, защиту суверенитета и территориальной целостности.

Важным достижением на этом направлении международной деятельности нельзя не признать вооруженные интернациональные миссии, которыми Фидель Кастро лично руководил, scrupulously следуя действовавшим нормам международного права. Крупнейшую и самую продолжительную — в Анголе и других странах юга Африки — есть основания рассматривать как достойное завершение победы Объединенных Наций над «классическим» фашизмом, одной из последних форм которого был южноафриканский апартеид. Решающую черту под ним подвели Ф.Кастро и его товарищи в сражении 1987—1988 гг. при Квито-Кванавале. Этот бой они приняли и выиграли, уже зная, что расистский режим располагал ядерным оружием, и мужественно перебросив в Анголу ракеты, защищавшие кубинское небо.

Вооруженную миссию на Африканском Роге надо считать правомерной не только в плане защиты территориальной целостности стран Африки, но и в качестве первой в мире открытой битвы с исламским экстремизмом и терроризмом. Впрочем, есть основания видеть предвосхищение этой битвы уже в первой заокеанской миссии кубинцев — в Алжире 1963 г.

Еще одна интернациональная миссия, в Никарагуа и Сальвадоре 70—80-х годов, сыграла существенную роль в избавлении центральноамериканского субрегиона, а косвенно — и всей Латинской Америки, от репрессивных режимов и упрочении конституционно-представительных порядков.

Справедливый мир Ф.Кастро отстаивал не только оружием. Нельзя не вспомнить о его дипломатических попытках в конце 70-х годов предотвратить сомалийско-эфиопский и афгано-пакистанский конфликты. Если бы смелые инициативы Команданте встретили понимание и поддержку мировых лидеров, это с большой вероятностью помогло бы сдвинуть равнодействующую событий в сторону, лучшую как для народов этих стран, так и для всего мира.

В противоположность советскому руководству, десятилетиями державшему наши интернациональные миссии под спудом секретности, Фидель был верен принципу максимально возможной открытости политики, воспитания народа правдой. В этом принципе он справедливо видел, кроме прочего, спасительную «прививку» от национальной ограниченности и ксенофобии. Сегодня особенно остро воспринимается его призыв-предупреждение: «Будем же воспитывать в нашем народе то понимание интернационального долга, тот смысл интернационального долга, чтобы в нашей стране через десять лет не нашлось ни одного, кто сказал бы, что не имеет больше благ из-за нашей помощи другим... И если бы в будущем часть нашего народа думала так, это было бы, несомненно, потому, что мы, руководители народа, не сумели в полной мере политически воспитать наш народ; потому, что наша партия не сумела воспитать в нем глубокое понимание интернационализма...»¹⁸.

Руководимой Фиделем стране подобного удалось избежать. Там всегда умели, говоря словами Х.Марти и Ф.Кастро, «платить долг человечеству», никогда не делали из своих заслуг секрета Полишинеля, а возвращая войска на родину, брали с собой всех погибших. Если бы в других странах, несоизмеримых с Кубой по объективным возможностям, поступали так же...

Трудно переоценить реализм и свободу от иллюзий, проявленные кубинским лидером перед лицом позднесоветской «перестройки». Уже из поездки в марте 1985 г. на «инаугурацию» М.С.Горбачева прозорливый Фидель сделал выводы, побудившие к двум кардинальным мерам: внутренней — «очищению», направленному прежде всего против любых форм коррупции и четко дистанцированному от мировоззренческих уступок; и внешней — максимальному расширению системы политических союзов, особенно в латиноамериканском регионе. Здесь и новая постановка проблемы внешнего долга, и сближение с «теологией освобождения», кульминацией которого стало знаменитое интервью бразильскому писателю и политику Фрею Бетто, опубликованное под заглавием «Fidel y la religión». Но, пожалуй, самым значимым надо признать первое в мире публичное предостережение о возможности распада СССР, высказанное на митинге 26 июля 1989 г. с недвусмысленным обязательством-клятвой: даже в этом тяжком случае Куба не сдастся. Проницательность и твердость Команданте

в немалой степени уберегли патриотов не одной Кубы, но и всего региона от психологического надлома и упадка.

Сейчас уже никто, кроме неоаннексионистов, не может не отдать должное заслугам Ф.Кастро в том, что Куба устояла в тяжкие годы «особого периода в мирное время». При этом даже потеря стратегического союзника — СССР, создавшая на ряд лет ситуацию, названную кубинцами «двойной блокадой», не заставила ни страну, ни ее лидера стать на пагубный путь самоизоляции. Наоборот, Фидель неуклонно готовил встречный выход страны и региона на путь нового латиноамериканизма, разжимающего тиски имперских «санкций» и «эмбарго». В тяжелейшем для Кубы 1994 г. он встречал в Гаване недавно вышедшего на свободу Уго Чавеса. Спустя три-четыре года в Латинской Америке начались сдвиги, ознаменовавшиеся созданием, впервые в истории, системы интеграционных объединений без участия «великого северного соседа». Эти сдвиги, потрясшие основы «Вашингтонского консенсуса» и похоронившие новые проекты экономической аннексии региона, были бы невозможны без примера, опыта и поддержки Кубы. Сама же она благодаря этим сдвигам обрела иную, более высокую степень безопасности и свободы самостоятельно прокладывать новые пути в будущее.

Поворот, охвативший в последние два десятилетия большую часть Латинской Америки, имел не только региональное, но и планетарное измерение. Он придал мощный импульс международному движению альтерглобализма, наложив тем самым серьезный отпечаток на идейную и политическую эволюцию всего мира. Эти перемены во многом предвосхитили, а отчасти, вероятно, и вдохновили сдвиги в геополитических ориентирах России и Китая, подготовив их стратегическое партнерство с Кубой на новом этапе истории.

Трудно переоценить вклад в эти перемены могучей личности Фиделя Кастро, что признавали и признают все их активные участники. Не будь его веского и ответственного слова, неизменно подкрепляемого делом, латиноамериканский регион мог бы и не встретить XXI в. размежеванием с новейшим изданием панамериканизма и поиском собственного пути в многополярном мире.

Значение свершений Острова Свободы и его лидера тем выше, что они пришлись на весьма ответственный этап истории. Во всемирной перспективе речь идет о достижениях, выходящих за пределы опыта собственно социалистического развития. Со второй половины минувшего века от них неотделимы сами основы современной цивилизованности и гуманизма, без которых сегодняшний уровень технической мощи вряд ли совместим с жизнью человечества. Не будь этих достижений, глубокий кризис всего мирового развития конца XX — начала XXI вв. мог бы привести к последствиям еще худшим, чем сегодняшние.

Учитывая все, сказанное выше, с полным правом можно утверждать: история оправдала Фиделя Кастро уже не один раз, и ее вердикт обжалованию не подлежит.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

¹ José Martí. Carta a Manuel Mercado, 18 de mayo de 1895. — Available at: <http://www.granma.cu/granmad/secciones/26-julio-2011/de-jose-marti/articulo-14.html> (accessed 10.10.2017).

² Ibidem.

³ Ф.К а с т р о Р у с. История меня оправдает. Гавана, Изд-во Хоце Марти, 1984, с. 22. [F.Castro Ruz. Istoriya menia opravdaet] [History shall absolve me]. Havana, Jose Marti Ed., 1984, p. 22.

⁴ J.L.R o d r í g u e z, G.C a r r i a z o M o r e n o. Erradicación de la pobreza en Cuba. La Habana, Ciencias sociales, 1987, p. 15.

⁵ Ibid., p. 22.

⁶ Ibid., p. 26-27.

⁷ V.V a m b i r g a. La Revolución Cubana: Una reinterpretación. México, 1974, p. 135.

⁸ Ф.К а с т р о. Сила революции — в единстве. М., Гос. изд-во полит. лит., 1972, с. 352. [F.Castro. Sila revolutsii v edinstve. [The power of revolution is in the unity]. Moscow, 1972, p. 352.

⁹ Цит. по: К.Л е ч у г а. В центре бури: Ф.Кастро, Н.С. Хрущев, Дж. Ф. Кеннеди и ракетный кризис. М., АО "Си-Мар", 199, с. 31-32. [Carlos Lechuga. V tsentre buri: F. Castro, N.S.Khrushhev, J.F. Kennedy i raketnyi krisis] [In the centre of the storm: F. Castro, N.S.Khrushhev, J.F. Kennedy and the missile crisis]. Moscow, ILA RAN, 1995, p. 31-32.

¹⁰ Ibid., p. 95-96.

¹¹ América Latina. La Habana, 1968, p.13.

¹² Imposible un modelo alternativo de desarrollo mundial: F.Castro. — Excelsior. México, 3.VII.1998.

¹³ América Latina. La Habana, 1968, p. 99-101.

¹⁴ Ibid., p. 27-28.

¹⁵ Imposible un modelo alternativo de desarrollo mundial: F.Castro. — Excelsior, 3.VII.1998.

¹⁶ América Latina, p.51, 103.

¹⁷ Comparencia del Comandante Fidel Castro Ruz, Primer Ministro del Gobierno Revolucionario y Primer Secretario del Comité Central del Partido Comunista de Cuba, para analizar los acontecimientos de Checoslovaquia. Viernes 23 de agosto de 1968, "Año del Guerrillero Heroico" (Dpto de versiones taquigráficos del Gobierno Revolucionario), p. 36-37.

¹⁸ Cuba Socialista, N 58, Junio de 1966, p. 18.

Alexandr V. Kharlamenko (aharlamenko@yandex.ru)

Cand. Sci. (Philosophy), Leading Research Fellow, Chief of Archive and Information Group in the Center of Political Studies at the Institute for Latin American Studies (ILA) of Russian Academy of Sciences.

The History Has Absolved Him

Abstract: The author of the article attempts to resume, from the nowadays standpoint, the general results of the political path of Fidel Castro. His multiform activity, as the Cuban Revolution leader and the head of Republic of Cuba, is scrutinized within the context of the evolving regional and world realities, taking into account his outstanding role in the solution of the national and international crises. Special attention is paid to his great contribution to the strengthening of the Cuban and Latin American sovereignty, the qualitative increase of the nation and region role in the multi-polar world, and the unifying of the tradition of Latinoamericanism to the ideal of social justice.

Key words: Fidel Castro, Cuban Revolution, "Third world", Panamericanism, Latinoamericanism, USSR, international balance, multi-polar world.